

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
КНИГА ПЕРВАЯ. «Квест» в раю	
1. Долина Вахги	13
2. В долину Джими	38
3. Создатели топоров	59
4. Пигмеи и танцующие птицы	75
5. Возвращение к Тихому океану	104
6. Земляные дайверы с Пентекоста	116
7. Карго-культ	130
8. Внешние острова Фиджи	158
9. Королевство Тонга	187
КНИГА ВТОРАЯ. «Зооквест» на Мадагаскар	
10. Остров-чердак	207
11. Сифаки и гигантские птицы	214
12. Фламинго, тенреки и мышинные лемуры	239
13. Духи мертвых	250
14. Хамелеоны и лемуры	264
15. Человек с собачьей головой	277
16. Лесные создания	290
17. Бабакото	303

КНИГА ТРЕТЬЯ. «Квест» в тропике Козерога

18. К востоку от Дарвина	319
19. Гуси и гоанны	332
20. Рисунки в пещерах и буйволы	347
21. Художники из Арнем-Ленда	371
22. Ревущий змей	390
23. Отшельники Борролулы	402
24. Центр	428

ВВЕДЕНИЕ

Мне посчастливилось участвовать в ежегодных экспедициях в тропики в течение десятилетия с 1954 по 1964 год и снимать фильмы о живой природе. Изначально наши экспедиции были совместным проектом BBC и Лондонского зоопарка, и мы должны были не только снимать животных, но и ловить некото-

рых из них. Вот почему телевизионные передачи получили название «Зооквест» (Zoo Quest). К сожалению, проблемы со здоровьем помешали представителю зоопарка, Джеку Лестеру, принять участие в третьей поездке. Так что зоопарк получил лишь тех животных, которых нам, телевизионщикам, удалось самостоятельно поймать, а нашим приоритетом стала съемка, а не ловля животных. С течением времени наши интересы расширились: в наших фильмах все чаще появлялись племена, которые мы встречали в путешествиях, так что название «Зооквест» стало неподходящим для этой книги. Первые три книги, которые я написал об этих путешествиях, были с небольшими изменениями переизданы в 1980 году и еще раз в 2017-м — с дополнительной правкой¹. Перед вами — следующие три книги, также с небольшими изменениями.

Прошло уже шестьдесят лет с тех пор, как мы вернулись из последнего путешествия, описанного в этой книге. Неудивительно, что многое изменилось. Восточная половина Новой Гвинеи, находившаяся тогда под управлением Австралии, стала независимым государством Папуа — Новая Гвинея, а у долины Джими, которую тогда только начали исследовать, теперь есть не только дороги, но и собственный представитель в парламенте. Королева Салоте, которая правила Тонга во время нашего визита, умерла в 1965 году, и на престол взошел наследный принц Тауфа'ахау Тупоу IV, а после него — Джордж Тупоу V. Новые Гебриды, тогда управлявшиеся англо-французским кондоминиумом (формой колониального правления), — стали независимым государством Вануату. Крошечный австралийский городок Дарвин превратился в большой мегаполис, а земля вокруг Нурланджи — в национальный парк Какаду, в котором полно гостиниц и дорог, соответствующих новому статусу города. Азиатский водяной буйвол, который в изобилии встре-

---

¹ См.: *Аттенборо Д.* Путешествия натуралиста: Приключения с дикими животными. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. Ориг. назв.: *Adventures of a Young Naturalist*. — *Прим. ред.*

Охота на удава на Мадагаскаре

чался в дикой природе во время нашего посещения этих мест, был истреблен, чтобы эта прекрасная, но хрупкая экосистема вернулась к подобию ее исконного состояния. Наскальная живопись в Нурланджи, которую мы отсняли впервые, сейчас известна всему миру и даже попала на австралийские почтовые марки. Роспись по коре, созданная Магани, художником, который так много рассказал нам о своей работе, теперь находится в коллекции Австралийской национальной галереи. Людей, которые раскрасили скалы около Юендуму, сменили художники, которые используют современные краски. Их холсты сейчас продают за сотни тысяч, а то и миллионы долларов. Чтобы не задеть чувства современных аборигенов, в описаниях туземных церемониальных практик, содержащихся в первом издании, были изъяты некоторые детали.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ДРУГУЮ СТОРОНУ СВЕТА

Телевизионная техника, конечно, изменилась до неузнаваемости. Звукозаписывающим устройствам больше не нужны кассеты, и они могут работать под тропическим солнцем. Современные телевизионные камеры – крошечные по сравнению с теми монстрами, которые мы использовали, и их больше не нужно накрывать, чтобы они не шумели. Более того, они могут сразу отображать фотографии, и больше не нужно месяцами ждать, чтобы узнать, получились ли вообще снимки, которые мы сделали.

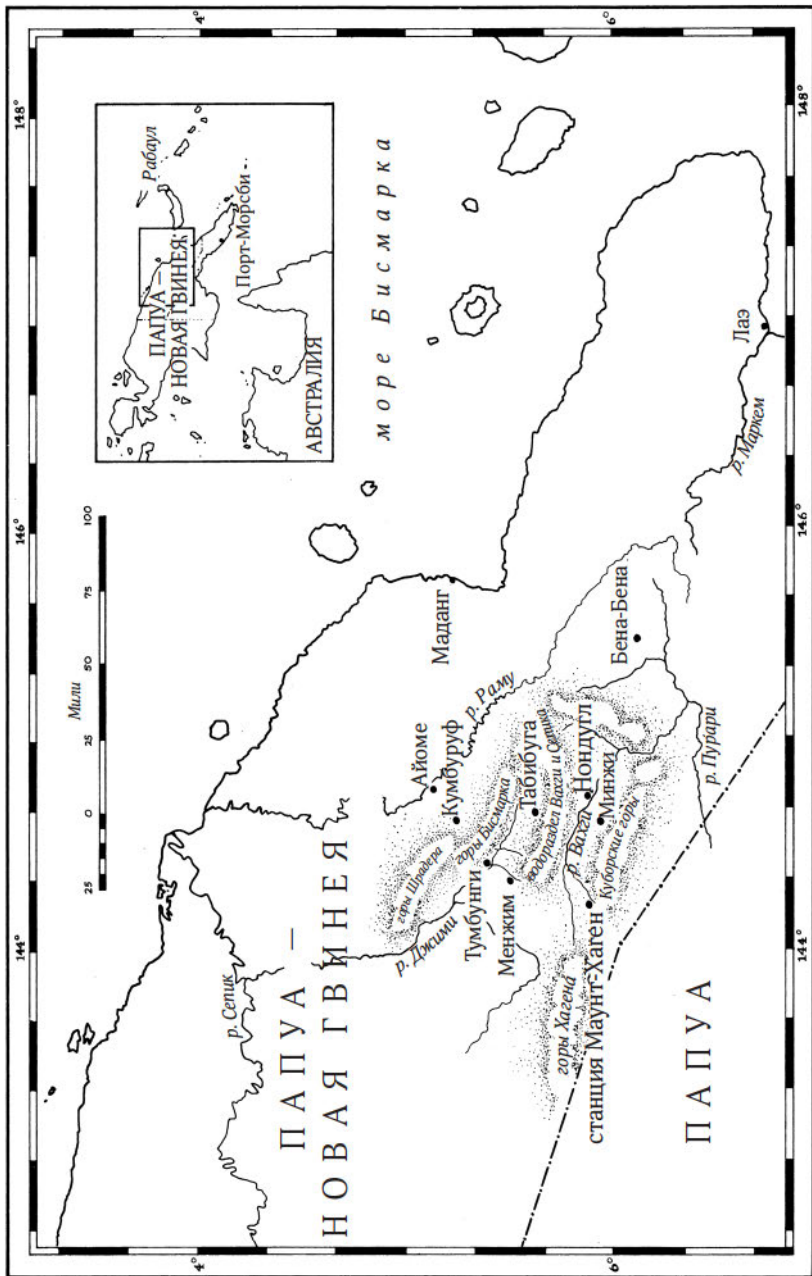
Многое изменилось, но я оставил рассказы об этих местах и событиях именно такими, как записал.

Дэвид Аттенборо
Май 2018 г.

КНИГА ПЕРВАЯ
«Квест» в раю

ДОЛИНА ВАХГИ

Среди диковинок, привезенных кораблем «Виктория», когда он прибыл в Испанию 6 сентября 1522 года после окончания первого кругосветного путешествия, были пять птичьих шкурок. Их оперение, особенно прозрачные перья, распутившиеся по бокам, были такими неповторимо роскошными и пышными, что затмевали все виданные до того. Два пера были вручены Магеллану, главе экспедиции, королем Баччача, острова в архипелаге Молуккских островов, в качестве подарка испанскому королю. Пигафетта, летописец экспедиции, упомянул о подарке и записал, что «эти птицы большие, как дрозды; у них маленькие головы, длинные клювы, тонкие, как ручки, ноги длиной в пядь. У них нет крыльев, вместо них – разноцветное оперение, похожее на шлейф, а хвост такой же, как у дрозда. Они летают только тогда, когда дует ветер. Нам сказали, что эти птицы происходят из земного рая, и поэтому их называют *bolon dinata*, то есть божественные птицы».

Так эти великолепные создания стали известны как райские птицы. Это был самый первый зарегистрированный вид, когда-либо попавший в Европу. Рассказ Пигафетты был достаточно бесстрастным. Несомненно, их крылья были срезаны местными кожевниками, чтобы подчеркнуть великолепие их шлейфов. Но их поразительная красота, исключительная

редкость, связь с «земным раем» придавала им таинственную, магическую ауру. Вскоре о них появились истории, такие же фантастические, как и их красота. Ян Гюйген ван Линсхотен в рассказе о своем путешествии на Молуккские острова, состоявшемся 70 лет спустя, писал: «Только на этих островах есть птицы, которых португальцы называют *passeros de sol*, то есть солнечными птицами, итальянцы называют их *manu codiatas*, а латиняне — *paradiseas*. Сами мы называем их райскими птицами за красоту оперения, превосходящую всех других птиц; этих птиц никогда не видели живыми, а после смерти они падают на землю: говорят, что они всегда летят к солнцу и постоянно держатся в воздухе, никогда не садясь на землю, поскольку у них нет ни ног, ни крыльев, а только голова и тело, по большей части состоящее из хвоста».

Отсутствие ног в описании Линсхотена легко объяснимо, ведь и по сей день местные жители обычно удаляют лапы у птиц, чтобы с них легче было снять шкуру. Заявление Пигафетты о том, что у райских птиц есть ноги, было благополучно забыто, или даже специально опровергнуто более поздними авторами, желающими не дать угаснуть романтическому флеру, окутывающему истории о птицах. Однако описание их образа жизни, данное Линсхотеном, ставит перед вдумчивым натуралистом ряд проблем. Если птицы всегда были в полете, как они гнездились и высиживали яйца? И что они ели? Вскоре были изобретены ответы, столь же нелогичные, как и фантазии, которым они должны были дать рациональное объяснение.

Один писатель рассказал, что «в задней части у самца есть некая полость, в которую самка, чей живот тоже полный, откладывает яйца, и так с помощью обеих полостей их откладывают и высиживают». Другой, объяснив, что птицы во время своего постоянного полета питались только росой и воздухом, добавил, что вместо желудка и кишок, которые были бы бесполезны такому необычному едоку, их брюшная полость заполне-

на жиром. Третий заметил, что в шлейфе у некоторых видов встречаются пары изогнутых жестких перьев. Надеясь придать правдоподобие историям об отсутствии ног, он написал, что «они не садятся на землю, а цепляются за ветки с помощью имеющихся у них жгутов или перьев, и отдыхают подобно мухам или другим воздушным тварям».

Даже спустя двести лет после того, как первые шкурки появились в Европе, родина птиц, «земной рай», по-прежнему оставалась неизвестной. Только в XVIII веке обнаружили, что они живут в Новой Гвинее и на прибрежных островах.

Райская птица на рисунке Альдрованди, 1599 год

Когда европейские естествоиспытатели впервые увидели живых птиц в их естественной среде, большинство окружающих их мифов были развеяно. Тем не менее романтический флер, который окружал птиц еще со времен Пигафетты, полностью так и не рассеялся, и великий шведский натуралист Карл Линней дал этому виду, вероятно описанному Пигафеттой, научное название *Paradisea apoda*, «безногая райская птица».

Но научные открытия последних 200 лет показали, что достоверные сведения о райских птицах не менее поразительны, чем более ранние легенды, поскольку птицы обладают одним из самых роскошных и невероятных украшений из перьев, которые можно найти во всем птичьем мире. В настоящее время выделено более 50 различных видов, сильно отличающихся по форме и размеру. У некоторых, как у *Paradisea apoda*, есть каскады филигранных перьев, растущих из-под крыльев. У других на груди перья образуют огромные радужные щиты. У некоторых из них длинные блестящие черные хвосты, переливающиеся оттенками пурпурного цвета. А у других хвосты состоят лишь из нескольких крупных перьев. У птицы Уилсона (синеголовой великолепной райской птицы) лысая голова с ярко-голубым оперением, у птицы короля Саксонии (чешуйчатая райская птица) на голове два пера, в два раза длиннее ее тельца, каждое из которых украшено бледными жемчужно-голубыми пластинками, похожими на глазурь. Самые большие из них размером с воронов; самые маленькие, красные королевские райские птицы, чуть больше малиновок. В действительности разные виды райских птиц сходны лишь в поразительно экстравагантном оперении и в испущенных танцах, в которые они пускаются во время ухаживаний, когда демонстрируют тускло-коричневым самкам свои великолепные перья.

Безусловно, такие красивые и романтические существа стоили того, чтобы проделать путь в тысячи километров и увидеть

их воочию, и я много лет был одержим этой мыслью. Лондонский зоопарк уже несколько лет не демонстрировал эти виды, и к тому моменту, когда я обдумывал экспедицию, райских птиц у них совсем не осталось. Кроме того, по крайней мере в Великобритании не было показано ни одного фильма о диких птицах, исполняющих брачные танцы. Я решил, что поеду в Новую Гвинею, попытаюсь снять их на пленку и привезти несколько живых особей в Лондон.

Новая Гвинея огромна. Это самый большой неконтинентальный остров в мире, который протянулся на тысячи километров от одной крайней точки до другой. Его избороздили горные цепи, по высоте подобные Альпам, верхние склоны которых покрыты не снежными равнинами и ледниками, а лесами гигантских деревьев, заросших влажным мхом. Между этими зонами пролегают огромные долины непроходимых джунглей, многие из которых тогда были практически не исследованы. Вдоль побережья на сотни квадратных километров протянулись обширные болота, кишасщие комарами.

Политически остров разделен на две почти равные части. Во время нашего путешествия западная его половина управлялась Голландией, а восточная — Австралией. В возвышенной зоне восточной части острова, недалеко от его центра, находится высокогорье. Здесь, в небольшом поселении Нондугл, австралийский миллионер-филантроп сэр Эдвард Холлстром разбил экспериментальную ферму и биологическую станцию. Он построил большие вольеры, в которых содержалось больше райских птиц, чем во всех зоопарках мира вместе взятых, а на станции проживал Фред Шоу Майер — один из величайших коллекционеров животных и эксперт по райским птицам. Поэтому Нондугл был идеальным местом для нашей экспедиции, если бы нам удалось получить разрешение его посетить.

Сэр Эдвард много лет был другом и благодетелем Лондонского зоопарка, и, когда я написал ему и рассказал о наших за-

мыслах, он предложил нам использовать станцию в качестве базы для нашей 4-месячной экспедиции.

С Чарльзом Лагусом мы совершили уже три экспедиции в тропики, в которых ловили и снимали на камеру животных. Как только мы сели в самолет, стремительно мчащий нас на восток навстречу четвертому путешествию, мы погрузились в заботы, которые неизбежно беспокоили нас в начале нового путешествия. Он в уме проверял свое фотооборудование, боясь, что забыл какой-то незаменимый предмет, я же пытался предугадать все бюрократические препоны, с которыми нам предстоит столкнуться на пути в Нондугл, и пытался убедить себя, что мы предусмотрели большинство из них.

Через три дня мы достигли Австралии. Из Сиднея мы летели на север в Новую Гвинею. В Лаэ, на северо-восточном побережье острова, мы сошли с комфортабельного четырехдвигательного лайнера и пересели на менее роскошный самолет, который каждую неделю доставлял припасы в долину Вахги в центральной части горного массива.

Мы сидели на алюминиевых, похожих на полки сиденьях, установленных вдоль одной стороны и занимающих половину длины салона. Напротив нас по всей длине салона лежал груз, привязанный тросами к полу. Там были почтовые мешки, кресла, массивные чугунные детали для дизельного двигателя, картонные коробки с новорожденными цыплятами, множество буханок хлеба и, где-то среди них, 16 предметов, составлявших наш багаж и оборудование.

Нашими попутчиками были семь полуголых папуасов, которые сидели твердо и напряженно, поджав губы с застывшими гримасами на лице, невидящим взглядом таращась на кучу груза, сваленную напротив них на расстоянии пяти сантиметров. По крайней мере некоторые из них летели на самолете впервые — перед взлетом мне пришлось показать им, как пристегнуть ремни безопасности, и на их коже блестели капельки пота.

Дождь крапал на маленькие окна, но рев двигателя заглушал его шум. Снаружи я не мог различить ничего, кроме сырости. Самолет качался и дрожал по мере того, как мы поднимались все выше и выше над невидимыми горами. Я слегка подрагивал от холода, а моя кожа все еще была липкой от пота, который тек с меня во влажном и жарком Лаэ.

Самолет уверенно набирал высоту, пока серое облако снаружи не начало распадаться на быструю туманную дымку. Внезапно кабина осветилась, словно включили электрический свет. Я выглянул в одно из окон. На блестящих вибрирующих крыльях самолета сверкало солнце. В нескольких километрах отсюда темные пики, похожие на острова, пробивались сквозь неподвижные клубы облаков. Вскоре в белой пелене под нами появились прорехи в форме причудливых вензелей, открывающие то змеевидный изгиб серебряной реки, то редкие хижины, но чаще всего — однообразный зеленый покров. Размеры и число этих проблесков земли под нами множились, пока наконец не слились в сплошной пейзаж из цепи холмов с острыми вершинами, возвышающихся один за другим. Одни из них были густо покрыты лесом, а другие — лишь однообразной коричневой травой. Их гребни проносились под нами, пока неожиданно не прекратились, и мы летели теперь уже не над дикими склонами, а над обширной зеленой долиной. Это была Вахги.

Через некоторое время появились участки земли, расчищенные для взлетных полос. Одна из этих взлетно-посадочных площадок была экспериментальной фермой в Нондугле. Наш самолет низко пролетал над зданиями станции. Из одного из сараев выехал небольшой грузовик, который медленно двинулся вниз вдоль тонкой красной линии, которая прорезала ландшафт, соединяя дома с взлетно-посадочной полосой. Мы с трудом приземлились, и, пока мы с Чарльзом неуклюже выбирались наружу, грузовик мчался как ненормальный по травяной полосе и завизжал, скрипя тормозами, остановив-

шись под крылом самолета. Из него выпрыгнули двое мужчин. Один — приземистый, крепкий мужчина в широкополой шляпе с пятнами пота и костюме цвета хаки — представился Фрэнком Пэмбл-Смитом, управляющим станцией. Другой, постарше и худее, был Фред Шоу Майер.

Вместе мы разгрузили вещи с самолета. Фрэнк беззлобно выругался, обнаружив, что там не было кое-каких запчастей для его сельскохозяйственной техники, и пару минут сплетничал с пилотом. Потом двигатели снова заработали, и самолет с ревом понесся вниз по полосе, поднялся в воздух и направился к следующей станции, которая была всего в четырех минутах лета. Фрэнк позаботился о том, чтобы наши вещи погрузили в прицеп грузовика, который ждал неподалеку, а потом увез нас на грузовике к себе домой знакомиться с женой и пить чай.

Когда мы сидели и ели ячменные лепешки в его чистой гостиной, я увидел поразительного мужчину — высокий, полуголый, с большой бородой, он неподвижно стоял снаружи. Его коричневые руки и волосатая грудь почернели от сажи, а лицо было раскрашено точками и полосами красного, желтого и зеленого цвета. Его талию опоясывал широкий тугий кушак из тканого волокна, на передней части которого висел узкий отрез шерстяной ткани, достигающий ему до голеней. Под него наподобие турнюра был подсунут густой пучок листьев. На нем было множество украшений из жемчужных раковин: пояс из небольших раковин свешивался на веревке вокруг его талии; огромный жемчужный нагрудник висел на шнуре на его шее; широкий полумесяц окружал его подбородок, частично пряча бороду; а в проткнутую перегородку своего носа он вставил длинный тонкий серп, вырезанный из края жемчужной раковины. Но самым ошеломительным и блистательным его украшением, однако, были не жемчужные ракушки и не раскраска, а его гигантский головной убор. Он состоял из перьев по меньшей мере 30 разных райских птиц, принадлежащих к пяти

различным видам. Рубиновые, изумрудные, бархатно-черные и синие, эти чудесные перья образовали невероятно великолепную корону.

Его великолепии еще более поражало на фоне окружавшей его обстановки: он стоял на свежескошенной лужайке, за спиной у него был проволочный забор теннисного корта, а рядом был припаркован ярко-красный трактор. Я понял, что разглядываю его как цирковую выставку или туристическую достопримечательность. Но когда я посмотрел на возвышавшиеся позади дикие горы, теннисный корт, трактор и фарфоровая чашка, из которой я пил, поразили меня своей неуместностью. Это я был в цирке, а человек снаружи, а также тысячи его соотечественников в лесах были зрителями.

Фрэнк заметил мой взгляд. «Это, — сказал он, — местный предводитель — *luluai*. Его зовут Гарай, он один из самых богатых местных мужчин и самый дружелюбный. Я сказал ему, что вы двое придете искать райских птиц, и я думаю, что он рассчитывает первым заняться тобой, если назреет какая-то сделка».

Покончив с чаем, мы вышли, чтобы познакомиться. Он с воодушевлением пожал нам руки, но в этом движении чувствовалась какая-то неопределимая неловкость человека, не привыкшего к этому жесту. Он широко улыбнулся, обнажив идеальный набор массивных белых зубов.

«Арпи-нун»¹, — сказал он.

«Арпи-нун», — ответил я, радуясь, что могу использовать практически единственные слова на пиджин-инглиш, которые знал. К сожалению, я не мог добавить ничего другого, потому что нельзя говорить на пиджине, просто добавляя «um» или «ee» к обычным английским словам. Это отдельный язык, с собственным синтаксисом, грамматикой и словарем. Он был со-

---

¹ Добрый день (новогвин. пиджин). — Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

здан сравнительно недавно, в основном самими новогвинейцами, чтобы общаться, а значит, и торговать не только с белыми чужаками, которые приехали в их страну, но и друг с другом, поскольку в Новой Гвинее говорят на нескольких сотнях различных местных языков.

Словарь пиджина взят из разных источников. Некоторые слова происходят из малайского языка — *susu* — молоко и *binatang*. Последнее слово, которое я выучил в Индонезии годом ранее, значит животное, а здесь, в более узком смысле, означает насекомое. Есть также немецкие слова, поскольку эта часть Новой Гвинее была когда-то немецкой колонией, — *raus*, вон, прочь; *mark*, марка, слово, которое все еще используется для обозначения шиллинга; и *kiap*, искаженное *kapitan*, которым сейчас называют правительственного чиновника. Есть, конечно, и множество меланезийских слов. Но основная часть словаря заимствована из английского. При переходе от одного языка к другому многие из этих слов слились, а их согласные смягчились так, чтобы соответствовать родному языку, так что, когда они написаны согласно официальному правописанию, необходимо подключать воображение, чтобы определить их происхождение, — например, *kisim* (him) — значит ему; *pluwa* (floor) — пол; *solwara* (sea) — море; *motaka* (car) — машина. Правописание может быть настолько путанным, что для некоторых разговоров на пиджине в этой книге я использовал менее правильные, но более понятные варианты. Некоторые слова приобрели новое значение — *stop* означает присутствовать, а не прекратить, а *fella* (парень) добавляется к словам для обозначения некой сущности. Значение некоторых выражений изменилось так сильно, что импровизировать неразумно, потому что некоторые ваши замечания, пусть и совершенно непреднамеренно, будут выглядеть бестактными.

Фрэнк рассказал Гараю, зачем мы приехали в Нондугл. Он сказал: «Посмотри, эти два масты хотят найти разных птиц

и разных насекомых. Гарай, ты знаешь места, где найти птиц, и ты им покажешь эти места, и масты дадут Гарая много шиллингов».

Гарай усмехнулся и с воодушевлением кивнул. Я сказал Фрэнку, что мы также надеемся снять фильм о местных жителях и их церемониях.

«Представь, что у тебя и твоих будет синг-синг¹, – продолжил Фрэнк, – а эти два масты сделают картину об этом синг-синг».

Гарай ответил потоком слов на пиджине, говоря так быстро и с такой незнакомой интонацией, что я не его мог понять. Фрэнк перевел.

«Завтра вечером, – сказал он, – в поселении Гарая будет церемония ухаживания под названием *kanana*. Вы хотите пойти?»

Теперь настала наша очередь с воодушевлением кивать.

«Эти два масты хотят сказать “большое спасибо”, – сказал Фрэнк. – Тогда завтра ночью приду и покажу место, где вы увидите канану этих людей».

На следующий вечер Гарай пришел в бунгало Фрэнка, чтобы сопроводить нас на канану, как обещал. Мы шли за ним через банановые рощи и скрипящие на ветру заросли бамбука. Воздух был холодным и вибрировал от звуков насекомых. Было около полуночи, но нам не нужны были факелы, чтобы найти дорогу: была полная луна, а небо было чистым.

Через четверть часа мы добрались до селения Гарая, окруженного казуаринами и банановыми деревьями. Он провел нас мимо нескольких низких, круглых соломенных хижин. Через щели между столбами, которые образовывали стены, видны были проблески огня и доносился приглушенный шум разговоров. Мы остановились перед хижинной другой формы, которая

---

¹ Синг-синг – местная церемония, где собираются жители нескольких деревень или представители разных племен.

была больше других. Она была около 12 метров в длину, и через ее соломенную крышу с обоих концов проступали вершины пары столбов. Один из столбов символизировал женскую фигуру, второй – мужскую. Над ними чернели банановые деревья, тени на фоне звездного неба.

Гарай указал на низкий вход. «И вы, два масты, идите смотреть, остановитесь где-то внутри», – сказал он.

Мы заползли внутрь на четвереньках. Я тут же почувствовал дурноту от удушающей жары и сдавливающего горло едкого дыма. Я ничего не видел, потому что мои глаза так жгло, что я не мог открыть их. Когда, через несколько секунд, я заставил себя это сделать, я все еще мало что видел из-за слез, ослепляющих меня.

Согнувшись, прижимая ладони к саднящим глазам, я неуклюже прокладывал себе дорогу мимо сидящих близко друг к другу на земле фигур, пока не нашел свободное место в дальнем конце хижины, где я мог бы сесть. После этого, к моему облегчению и удивлению, глаза перестали слезиться, потому что дым висел только на балках, а внизу воздух был чистым. Я посмотрел по сторонам.

Дым исходил от костра, который тлел в центре земляного пола, только его пламя освещало хижину. Рядом с ним, спиной к одному из черненных сажей центральных столбов, сидел старый бородатый мужчина. Кроме нас самих, он был единственным мужчиной в хижине; люди, о которых я спотыкался, когда вошел, все были молодыми и пышущими здоровьем девушками. Они сидели в два ряда друг против друга и с любопытством посматривали на меня, хихикая между собой.

Ни у одной из девушек не было такого великолепного головного убора, какой мы видели у Гарая в первый день, поскольку из-за низкой крыши хижины носить его было бы непрактично. Вместо этого на них были маленькие шапочки, связанные из шерсти древесных кенгуру или опоссумов, а к их головам были прикреплены венцы из сверкающих зеленых жуков, заключен-

ных в каркас из расщепленного тростника. Их лица были раскрашены точками и полосами разных цветов, и у каждой был свой рисунок, продиктованный не ритуальными требованиями, а собственными фантазиями. У большинства из них были ожерелья из бисера или полукольца из жемчужных раковин вокруг шеи или в носу, и на каждой — широкий пояс, сотканный из волокна орхидеи, который носят незамужние девушки. Их тела были смазаны свиным жиром и сажой и лоснились в тусклом, неверном свете огня.

Как только мы нашли место, чтобы посидеть, внутрь заползли несколько мужчин во главе с ухмыляющимся Гараем. Они расселись среди девушек, но лицом к стенам хижины. Как и девушки, они были великолепно украшены и раскрашены, но, кроме того, у большинства из них в шапочки были вставлены листья папоротника. Однако не все они были молоды. У некоторых были густые бороды; некоторые, как Гарай, как мы знали, уже были женаты, но, хотя канана — это ритуал занятия любовью, это не возбранялось, поскольку Вахги — это полигамное общество. Все эти люди были специально и лично приглашены на церемонию, и многие приехали из деревень за много километров отсюда.

В течение нескольких минут, пока люди устраивались, слышались сплетни и смех. Потом один из них начал смущенно петь. Один за другим к нему присоединялись другие голоса, пока все они не сплелись в медленном напеве. По мере того как песня набирала ход, мужчины и девушки начали рассказываться из стороны в сторону, вращая головами. Переливы песни гипнотически повторялись, и качающиеся тела сближались, каждый мужчина склонял торс к девушке, сидящей лицом к нему справа. Чем больше они сближались, тем больше усиливалось монотонное пение, пока, с закрытыми глазами, пары лиц не касались носами и лбами. В исступлении каждая пара крутила головой от щеки к щеке в экстазе чувственного восторга.